

## ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ МАССОВЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ

Н.Э. Гронская

*Нижегородский лингвистический университет*

*Нельзя сказать, что портрет похож на оригинал, располагая только портретом.*

*Людвиг Витгенштейн.  
Кембриджские лекции. 1932 г.*

Политика — коллективная, сложно организованная, целенаправленная деятельность, которая нуждается в массовой коммуникации между государством и гражданами, между отдельными представителями власти и отдельными гражданами. Отличительные черты политической коммуникации: публичность, односторонность (от коммуникатора к реципиенту), нестабильный и неоднородный характер аудитории.

С развитием государства и усложнением общего политического процесса усиливается манипуляционное начало в политической коммуникации. Научное осмысление происходящих изменений возможно только в рамках междисциплинарных исследований, поскольку необходимо иметь четкое представление обо всех факторах (языковых, социально-экономических, социокультурных, этнических, религиозных), определяющих политическую коммуникативную ситуацию.

Фактологическая основа исследования — общий политический процесс периода транзита демократии (90-е годы XX века), включающий конфликты, имевшие место в означенный период и получившие достаточный резонанс в политической жизни России: Балканский кризис; арабо-израильский конфликт; конфликт со странами Балтии.

Исследуемый период отличается усилением возможностей манипулирования массовым политическим сознанием в силу объективных причин. Сложное взаимодействие политических интересов различных сил в обществе, их полифония и диффузия влияют на процесс порождения политических текстов. Анализ динамики развития манипуляционного процесса дает возможность моделировать схемы применения манипуляционных стратегий и вполне достоверно судить как о мотивах применения манипуляционных тактик, так и об арсенале возможных лингвистических средств.

Основная цель исследования — проанализировать динамику и корреляцию процесса языкового манипулирования (ЯМ) массовым политическим сознанием в рамках обозначенного периода, его стратегическую и тактическую составляющие; определить успешность/неуспешность осуществления лингвополитического манипулирования с использованием «жестких» и «нежестких» лингвистических стратегий.

Несмотря на объективные сложности с терминологическим объемом понятия «манипуляция», все же большинство исследователей понимают это явление как «скрытое управление политическим сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать (или бездействовать) вопреки собственным интересам, создавая при этом иллюзию свободного выбора» [1].

Современные политические тексты пронизаны манипуляционными стратегиями. Исследовать процесс использования языковых средств в осуществлении различных политических стратегий (государственных, партийных, личностных) — актуальная задача современной политической лингвистики. Постановка во главу угла современной науки антропоцентричных теорий языковой картины мира,

языковой личности, языкового менталитета делает данное исследование логичным продолжением освоения лингвополитического когнитивного пространства.

Неизученность вопроса в целом делает данную работу важной и актуальной. Манипулирование политическим сознанием — этот обычный в мировой политической практике феномен [2] — не получает в отечественной науке достаточно глубокого освещения, чем и вызывается необходимость его всестороннего изучения. Большой интерес представляет изучение условий, причин, составляющих общий политический процесс, во многом определяющий экстралингвистические факторы порождения текста и насыщения его манипуляционными стратегиями.

Манипулирование требует особой гибкости коммуникативных стратегий, однако имеет ряд существенных преимуществ по сравнению с силовыми и экономическими методами господства, управления и контроля. Оно проводится незаметно для объектов манипулирования, не требует значительных материальных затрат (для современного общества это утверждение не совсем верно), не влечет за собой прямых потерь и жертв.

Политической манипуляцией называется специфический вид воздействия, имеющий целью внедрение в сознание под видом объективной информации неясного, но желательного для тех или иных политических групп содержания таким образом, чтобы у реципиента формировалось на основе данного содержания мнение, максимально близкое к требуемому.

Существует довольно богатый арсенал всевозможных методик манипулятивного воздействия на общественное сознание, начиная с прямой подтасовки фактов и распространения заведомо ложной информации и заканчивая более тонкими способами воздействия [3], среди которых особый интерес представляют методики лингвистического характера.

Лингвисты неоднократно обращали внимание на манипулятивные возможности языка: язык умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать. Проблема лингвистической интерпретации политического события (или, в целом, политического процесса) становится особенно актуальной в наши дни. Языковое манипулирование — это использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении; скрытого — значит неосознаваемого адресатом. Иными словами, когда скрытые возможности языка используются говорящим для того, чтобы навязать слушающему/читающему определенное представление о действительности, отношение к ней, эмоциональную реакцию или намерение, не совпадающие с теми, какие слушающий мог бы сформировать самостоятельно, принято говорить о власти языка, или языковом манипулировании. Язык в таких случаях используется, по удачному выражению одного из исследователей языковой манипуляции Р. Блакара, как «инструмент социальной власти».

Языковое манипулирование является объектом междисциплинарных исследований, которые включают предметную и инструментальную составляющие ряда наук: политологии, лингвистики, психологии, социологии, культурологии. Следует заметить, что, поскольку подобные механизмы присутствуют практически в каждом речевом высказывании, в них нет ничего негативного или мистического. С этой точки зрения, языковой манипуляцией считается любая успешно завершившаяся (т.е. достигшая предполагаемого результата) языковая коммуникация. Подобное толкование термина принято считать расширенным. Узкое понимание языковой манипуляции дано в следующем определении: «Манипуляцией, или манипулятивным речевым актом, принято называть высказывание такого рода, когда говорящий, вербально сообщая одно, желает достичь какой-либо цели, никак не обозначенной словесно» [4]. Механизмы манипулирования неотделимы от языка. Одни и те же средства используются и для прояснения истины и для ее искажения. Ни один из языковых механизмов не предназначен специально для манипулирования, но почти любой может быть для этого использован.

Если рассматривать лингвополитическое манипулирование как один из видов успешной коммуникации, то к данному явлению вполне применимы постулаты Грайса [5]. Это четыре важнейших принципа, которыми бессознательно руководствуются все говорящие, чтобы общение было успешным: 1) постулат информативности (сообщай что-то новое); 2) постулат ясности (говори однозначно, ясно, избегай двусмысленности); 3) постулат связности (не отклоняйся от темы, не теряй «нить»); 4) постулат истинности (говори правду, говори искренне).

В данном случае мы имеем дело с коммуникацией, результат которой должен быть предопределен, предсказан и, следовательно, постулаты речевого поведения должны быть строго соблюдены или осознанно деформированы, нарушены. В случае нарушения постулата информативности возникают: 1) недостаточно информативные высказывания; 2) излишне детализированные высказывания; 3) пустые, неинформативные высказывания. Если нарушен постулат ясности, в тексте возникает неоднозначность или двусмысленность. Ярким примером подобного нарушения является политическая демагогия: очевидно, что демагогическое высказывание рассчитано на некритическое восприятие со стороны адресата и говорящий предпочел бы, чтобы адресат не «пошел» дальше прямого (часто поверхностного) смысла. Деформация постулата связности приводит к обрыву логической связи компонентов высказывания, к «уходу» от предмета обсуждения. Несответствие принципу искренности, или истинности, заключается в том, что говорящий сообщает заведомо искаженную информацию, что применяется сегодня довольно редко. Все чаще используются более тонкие приемы: смещение акцентов, излишняя детализация, расплывчатые формулировки.

Исследователи отмечают интересную особенность языкового манипулирования в политической сфере — в этом случае коммуникативный контакт [6] является неполным, «ущербным» и нацелен скорее на одностороннее воздействие, чем на полноценный диалог, как его понимал М. Бахтин [7]. В этом и заключается коммуникативная база для внедрения манипулятивных лингвометодик в процесс общения.

Методологической базой исследования, в первую очередь, являются общенаучные методы: метод системного описания, предполагающий синтез и анализ фактического материала, умозаключения индуктивного и дедуктивного характера, метод классификации и стратификации явлений. Эти классические приемы научного анализа необходимы для успешного «совмещения» разных сфер гуманитарного знания: политологии, лингвистики, социологии и др. Специально-научные методы требуются для объективного наблюдения за процессами манипулирования в рамках вышперечисленных дискурсов. В частности, используются некоторые методы политологии: системный анализ политических факторов, контент-анализ, методика «case-studies». А также привлекаются методы лингвистического анализа материала: диахронический (языковое явление в динамике развития), синхронический (временной срез для одного языкового явления или для совокупности явлений), лингвостатистический метод (подсчет словоупотреблений). Методика анализа языковых манипуляционных стратегий носит интерпретативный характер (определение значения стратегий и средств их выражения). Для определения успешности осуществления манипуляции используются методы психолингвистики (психолингвистический эксперимент, интен-анализ и т.д.).

В качестве источников текстового материала используются следующие группы документов: официальные документы и неофициальные документы, которые подразделяются на научные (профессиональные научные журналы, научные информационные бюллетени с обзорами) и ненаучные (центральные газеты: «Коммерсант», «Независимая газета», «Аргументы и факты», «Российская газета», «Комсомольская правда» и др.). В связи с актуализацией роли СМИ в манипуляционных процессах рассматриваемого периода особое внимание уделено языку прессы.

Учитывая объемный текстовый материал, необходимый для анализа процесса политического манипулирования, было решено использовать дискурсивный подход, активно применяемый в гуманитарных науках с 90-х годов. Поскольку общий политический процесс, в котором «живут и работают» лингвистические манипуляционные технологии, очень сложен и неоднороден, дискурсивный подход помогает во многом определить роль и взаимодействие составляющих политического процесса.

Интегративная роль государства, стремление к достижению стабильности и обеспечению условий для нормальной жизнедеятельности общества — формируют «прогосударственный» дискурс функционирования языка. В основной массе тексты, созданные в рамках этого дискурса, отличаются прозрачностью установок, стандартностью формулировок и доходчивостью.

Борьба между различными социально-политическими силами определяет оппозиционный дискурс функционирования языка, или дискурс инакомыслия. Тексты, порожденные в условиях данного дискурса, демонстрируют высокую степень эмоциональности, очевидную оценочность и поляризацию высказываний.

Партии сводят множество частных интересов отдельных граждан, социальных слоев или классов к единому совокупному политическому интересу и определяют партийный дискурс функционирования языка. Это наиболее «пестрый» массив текстов, обладающий всеми вышеназванными характеристиками, которые во многом определяются целевыми установками партийного руководства.

Несомненно, имеет место некая типология лингвополитических (термин Н.Г.) дискурсов, и существует осознание их отличительных признаков со стороны реципиентов современных политических текстов [8]. Одна из гипотетических типологий, предложенная П.Б. Паршиным [9], вычленяет следующие типы дискурсов:

- коммуно-популистский;
- почвенно-националистический;
- государственный (при всей своей близости эти три типа не объединяются, хотя и могут сформировать макротип традиционалистического дискурса);
- либерально-апологетический;
- либерально-критический;
- либерально-иронический и некоторые другие.

Объективная задача каждого из субъектов вышеназванных дискурсов — мобилизация общественного мнения для поддержки их (политических акторов. — Н.Г.) точки зрения на политическую проблему.

Взгляд на политический текст сквозь призму условий его производства (дискурсивный подход) позволяет сделать результаты исследования более объективными. В качестве иллюстрации приведем материалы одного эксперимента, автор которого исследовал влияние речей политических деятелей на рядового гражданина [10]. Заранее проанализировав текстовый материал, Р. Андерсон пришел к выводу, что тексты руководителей авторитарного типа (назначенных на свои должности) отличаются от текстов руководителей, занимающих выборные должности. Речи первых репрезентируют «официальный язык», который изолирует говорящих от адресата (народа); этот язык дает понять массам, что их уровень недостаточен, чтобы обсуждать политические проблемы и идеи. Авторы второй группы текстов (выбранные руководители) заботятся о том, чтобы их мысли были облечены в доступную форму, так как они полагают, что простые граждане являются достаточно грамотными и политически компетентными. Была высказана гипотеза, что адресаты будут положительно воспринимать тексты второй группы и не принимать тексты первой группы. Экспериментально истинность этого была проверена в 1993 году в трех городах Российской Федерации. В ходе исследования выяснилось, что казалось бы логичное предположение вступило в противоречие с тем, что испытуемые оценивали политические тексты сквозь призму своего

жизненного опыта, где прошлая, благополучная, жизнь ассоциировалась с официальными речами, а речь руководителей второго типа — с растущим обнищанием большинства населения.

Первый вопрос, который встает перед исследователем, анализирующим проблему языковой составляющей политического манипулирования, это вопрос о связи общего политического процесса и процесса лингвистического манипулирования, характере их корреляции, вопрос о взаимодействии политического процесса и политического языка.

Особый интерес вызывает функционирование языка в тоталитарных и авторитарных обществах. Специалисты все больше говорят о том, что в советские времена не было места свободному функционированию политического языка. Как не было места и средствам массовой информации в современном понимании. Не случайно их определяли как средства массовой агитации и пропаганды. Такова одна из констант тоталитарного режима, устанавливающего свой контроль над обществом в целом и основывающего свою легитимацию на всеобъемлющей (тоталитарной) идеологии, претендующей на выражение абсолютной истины (автоматически вытесняя столь свойственную языку множественность интерпретаций). Это неизбежно влечет за собой попытку уничтожить свободу личности и общества, политическую, культурную, религиозную или языковую свободу. Сейчас появляются фундаментальные исследования, посвященные этой проблематике. «Мысль о всевластии языка, как нигде (!), важна в применении к нашей стране, имеющей опыт тоталитаризма с его двумя страшными орудиями господства и принуждения — языком пропаганды (тоталитарной и всепроникающей) и террором» [11]. Русскоязычный читатель получил, наконец, возможность познакомиться с книгой немецкого лингвиста Виктора Кемплера [12], проанализировавшего язык Третьего рейха. Появляются отечественные публикации на тему советского новояза [13], хотя исследователи утверждают, что «подметить и точно описать, что произошло с языком, было возможно только для тех, кто оказался вне системы» [14].

Ролан Барт заметил, что говорить — это определенным образом подчинять себе слушающего, и поэтому язык — есть общеобязательная форма принуждения [15]. Возможно, это слишком категоричное суждение, но использование языка для подавления свободомыслия в обществе — явление из нашего недавнего прошлого, когда слово было превращено в опасную агрессивную силу, направленно меняющую человеческое сознание. Но сами по себе слова и риторические приемы не могут быть тоталитарными или демократическими, только определенный социальный, политический, идеологический дискурс может трансформировать, изменить их значение.

Манипулирование широко используется не только в тоталитарных и авторитарных государствах, но и в современных западных демократиях, особенно в партийной пропаганде и во время избирательных кампаний [16].

В демократическом обществе резко меняется сама суть политической коммуникации: каждый гражданин имеет право участвовать в управлении, а также право выбирать политическую позицию, публично оценивать действия властей. Различные взгляды, оценки, мнения широко представлены в прессе, информирующей гражданина и позволяющей ему свободно ориентироваться в социально-политических проблемах. Важнейшей составляющей демократического государства является свобода средств массовой информации, обеспечивающих политическую коммуникацию, осуществляющих открытое информационное взаимодействие между обществом и государством. В ходе политической коммуникации не просто осуществляется информирование реципиента, но и меняются, формируются его политические взгляды и позиции. «Свобода книгопечатания имеет влияние не только на политические мнения, но даже на все убеждения людей. Она изменяет не только законы, но и нравы <...> Я люблю эту свободу скорее за то, что она искореняет много зла, нежели за то, что она делает добро. Чтобы пользоваться

неоцененными благами, предоставляемыми свободой книгопечатания, нужно уметь мириться с неизбежным злом, которое из нее вытекает» [17]. Несомненно, автор, в частности, имеет в виду зло, превращающее СМИ из проводника политической информации в проводника манипулятивных технологий.

Являясь непосредственным участником политического процесса, СМИ представляют собой влиятельнейший субъект политики, формирующий общественное мнение, общественное сознание, организующий нередко и общественное поведение. В отличие от законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти СМИ, не имея таких полномочий и властных средств, какими располагают первые три, способны влиять на политические процессы даже в большей степени, ибо, выступая от имени общества, призваны контролировать власть предрержащих, провозглашать и защищать интересы народа.

Особое значение приобретает участие СМИ в политическом процессе в период демократической трансформации. В современном обществе с помощью средств массовой информации передаются основные потоки информации, воздействующей на формирование массового, группового, индивидуального сознания и политического поведения людей. СМИ наряду с такими институтами, как образование, наука, культура, выступают важнейшим фактором духовного влияния на процесс социально-экономического реформирования государства. По независимости СМИ, их самостоятельности, активности участия в политическом процессе можно судить о характере власти, о степени демократизации общества. В политической коммуникации СМИ выполняют следующие важные функции: 1) играют роль основного агента производства, распределения политической культуры; 2) способствуют стандартизации и формированию однородности политической культуры, унификации мнений и поведенческих ориентиров; 3) содействуют расширению возможностей реального участия самых широких слоев общества в политическом процессе; 4) выполняют политико-интеграционную работу, побуждая людей воспринимать и усваивать господствующие политические ценности, идеалы, установки; 5) быстро и эффективно воздействуют на духовную жизнь общества, могут легко и оперативно склонить общественное мнение в поддержку каких-либо политических действий; 7) в условиях либерально-демократических политических режимов стремятся отстаивать общественные интересы. Учитывая все вышесказанное, можно говорить о выполнении СМИ такой функции, как контролирующая. Именно она «объединяет интересы вокруг некоторых доктрин и формулирует кредо партий; именно благодаря прессе партии ведут диалог между собой, не встречаясь при этом; приходят к согласию, не вступая в контакт. Когда же случается так, что большое число печатных изданий начинает действовать в одном направлении, их влияние на долгое время становится преобладающим, и общественное мнение, обрабатываемое все время с одной стороны, в конце концов поддается воздействию» [18].

Естественно, что у СМИ на этапе радикальной трансформации появляется задача формировать у общества новые демократические ориентации. Следует согласиться с мнением Р. Инглхарта, что «культура народа не может быть изменена в одночасье. Можно поменять правителей и законы, но на изменение базисных установок, определяющих своеобразие культуры нации, уйдут долгие годы» [19]. Изменение политических коммуникативных установок, внутренних ориентаций адресата политической информации, сформированного общественной культурой советского типа, происходит очень медленно. Анализируя установки и ориентиры современного россиянина, социолог Ю. Левада [20] обращает внимание на скрытые, в известном смысле «теневые», нормативно-ценностные структуры индивидуального и группового поведения, которые он называет концепцией принципиальной двойственности («двоемыслия»). Официальное (демонстративное) и повседневное (практическое) сознания типичного советского человека всегда были взаимообусловлены и приспособлены друг к другу. Невероятно быстрое и легкое ниспровержение всей системы официальных лозунгов, запретов, социальных ма-

сок и прочего не означало высвобождения «нормального» человека от сковывавших его пут. «Сформированный эпохой принудительного единомыслия «советский человек» остается и надолго останется двойственным, приспособленным к отеческой заботе со стороны власти и готовым скорее к «единодушному» одобрению (или отрицанию), чем к ответственному действию и самостоятельной мысли» [21].

Таковы исторически сложившиеся характеристики политической коммуникативной ситуации, обладающей специфическими коммуникантами: в роли адресанта выступают средства массовой коммуникации и иные информационные политические институты, а в роли адресата — все потребители политической информации, носители массового политического сознания [22].

Хронологические рамки исследования — 90-е годы XX века — переломный период в развитии государства, политических институтов, СМИ, российского социума в целом. Прежде всего, это определенный рубеж для становления новых языковых приоритетов. Политически этот отрезок времени легко вычленивается из периода новейшей истории России и интересен тем, что конфликты, происходящие за рубежом, получают множественную оценку в официальных и неофициальных источниках информации, что было невозможно в доперестроечный период. Период интересен тем, что фиксирует такое состояние общественного сознания, при котором вытесняемая идеология коммунизма соединяется с формированием стереотипов «нового» мышления. А.Д. Шмелев [23] отмечает, что подлинный расцвет языковой демагогии имеет место сейчас, в условиях относительной свободы, упоминает, что языковая демагогия использовалась и в советское время, но инвентарь демагогических приемов был относительно небогат: прежде всего, это было использование двух разных рядов лексических единиц в зависимости от того, идет ли речь о «своем» или о «чужом». Особого размаха достигают процессы манипуляции общественным сознанием, и анализ одной из составляющих этого процесса (лингвистическое манипулирование политическим сознанием) в указанный период представляется весьма уместным и полезным.

Еще один очень важный теоретический аспект проблемы лингвополитического манипулирования связан с анализом основных особенностей национального мировидения, воплощенного в языке (так называемая языковая картина мира — ЯКМ). Рассмотрение национального менталитета и ЯКМ как факторов, моделирующих базу манипуляционного процесса, позволяет понять логику использования определенных лингвистических приемов и механизмов. На уровне ЯКМ некоторые слова и выражения становятся политически маркированными, т.е. выражают значимые для этноса политические смыслы. Подобные значимости в политической лингвистике называют политологемами [24] или политическими концептами (например, политологема «демократия» или «гласность»). Подобная национально-языковая «апроприация» является одной из важных составляющих манипуляции массовым сознанием. Построение языковой картины мира (или ее коррекция) может происходить с помощью интенсивного использования слов и фразеологизмов, которые, формируя фон, одновременно являются (или становятся) ключевыми; употребление их с нарастающей частотностью заметно влияет на мировосприятие и мировоззрение носителей языка.

Одним из способов изучения связей и отношений элементов ЯКМ, важных при анализе лингвополитического манипулирования, является ассоциативный эксперимент, позволяющий выявить спектр вербальных реакций на определенные слова-стимулы политической семантики. Полученные данные могут успешно использоваться при замере конкретного состояния политического сознания социума; при разработке пиаровских технологий; для коррекции политического лексикона (политических выступлений, телепередач, публикаций соответствующей тематики) и для диагностики выборных технологий [25].

Анализ текстового материала позволяет обрисовать структуру лингво-манипуляционного процесса, который схематично можно представить следующим образом:

мотив → интенция (намерение) → стратегия → тактика → языковые средства → текст → успешность/неуспешность коммуникации (реализация интенции).

Уточним термины, использованные в описании манипуляционного процесса.

*Мотив* — это внешний или внутренний, субъективный или объективный фактор, вызывающий потенциальное желание изменить мнение собеседника (в широком смысле)/ участника коммуникации. *Интенция* — намерение коммуниканта осуществить коммуникацию с целью передать собеседнику определенную информацию. *Стратегия* — сверхзадача, которую ставит перед собой говорящий. *Тактика* — те практические шаги, которые предпринимает говорящий, реализуя выбранную стратегию. *Языковые средства* — тот языковой материал (на всех языковых уровнях), который использует говорящий. Многообразие лингвистических интерпретаций во многом определяется возможностью выбора языковых средств [26]. Одни и те же языковые приемы в одних случаях служат для того, чтобы с их помощью умело вводить в заблуждение, а в других — для того, чтобы смягчить категоричность неприятного сообщения или просто для того, чтобы сделать сообщение более выразительным, придать ему экспрессию. Текст — продукт, порожденный говорящим.

Гипотетическая классификация лингвополитических стратегий, выявленных в текстовом материале, выглядит следующим образом.

Первая группа — эксплицитные и имплицитные стратегии. Эксплицитные стратегии выявляются без специального лингвистического анализа (окрашенная лексика, эмоциональные синтаксические конструкции и т.д.). Имплицитные стратегии носят скрытый характер. Их обнаружение невозможно без профессионального лингвистического анализа желательно с применением различных методик (интент-анализа, контент-анализа, дискурсивных, психолингвистических, когнитивных и других методик).

Следующее деление основано на градуировании лингвистических средств с точки зрения агрессивности/неагрессивности («жесткие» и «нежесткие») манипуляционных лингвостратегий. Жесткие лингвостратегии предполагают грубые, «довлеющие» методы агитации, прямого воздействия.

В дальнейшем предполагается анализ политических текстов с точки зрения насыщения их лингвистическими манипуляционными стратегиями. Тексты могут быть «наполнены» манипуляционными элементами в неравной степени. Сухая фактическая информация новостей может быть практически лишена манипуляционного фона, в то время как аналитическая программа, посвященная важному и актуальному политическому событию, будет насквозь «заражена» этим «вирусом» [27].

Проиллюстрируем выявление базовых стратегий конфликтного текста на примере газетных текстов, описывающих военные конфликты периода 90-х гг. Языковые манипуляционные стратегии имеют целью обеспечить процесс психологического вхождения объекта, воспринимающего информацию, в военный конфликт и сформировать особое языковое сознание (*war-mentality*). Этот языковой механизм формирует у адресата ложную установку, что «ничего особенного не происходит», военный конфликт — это обыденная ситуация, ее можно анализировать, можно воспринимать отстранено, можно наблюдать, как шоу, по телевизору. Среди лингвистического «инструментария» следует назвать «милитаризацию» (использование военной лексики), стилевое снижение и упрощение текста в целом. Резко увеличиваются частотные показатели использования общеупотребительной лексики военной тематики, военной терминологии (включая аббревиатуры) и военных жаргонизмов: *бомбардировка, ракетно-ядерный удар, бомбежка, силы ПВО, F-15, AGM-86С, «Томагавки», наземная операция, «Торнадо», С-300.*



На это также работает снижение стиля и псевдодоступность (обилие разговорных конструкций и лексических элементов и жаргонизмов).

Следующий языковой механизм формирования военного дискурса позволяет говорящему избежать чувства коммуникативного дискомфорта или в значительной мере ослабить его. Из дискурса прессы исключается вся лексика с отрицательной коннотацией (*война, наступление, оружие массового уничтожения*), а вместо нее вводится нейтральная (*конфликт, операция, устройство, умиротворение, наведение порядка* и т. п.). Таким образом, создается виртуальная дискурсивная реальность или «редуцированная» версия действительности, в контексте которой описываемые события (война) воспринимаются аудиторией иным образом. К примеру, современные формы войны не называются войной открыто и, следовательно, пресса по возможности избегает использования «эксплицитных показателей войны». Такие действия описываются как демократические и респектабельные, а их отношение к войне, как правило, отрицается. Это характерно как для России, так и для Европы, США и других стран. Например, бомбардировки Югославии в 1999 г. в официальных источниках и в прессе назывались *предотвращением гуманитарной катастрофы*, война в Чеченской республике — *антитеррористической операцией, наведением конституционного порядка*. В США во время войны во Вьетнаме был создан специальный язык для сообщений прессы, были составлены специальные словари для обозначения тех или иных явлений действительности. С 1965 г. военные действия во Вьетнаме назывались *программой умиротворения*, а с февраля 1972 г. — *защитной реакцией* [28].

Лингвистический механизм реализации данной стратегии связан с использованием эвфемизмов, эвфемистичных выражений и слов-определителей с «диффузной» семантикой (некоторый, известный, определенный, соответствующий, надлежащий): *груз 200; широкомасштабная операция; ненормальная ситуация (о войне); применение военной силы; пойти на крайние меры; военная фаза операции; военная акция; Естественно, применение военной силы всегда влечет определенные нарушения и ограничения прав граждан; Многие положения разделяются и в значительной мере выполняются; Войска будут в Чечне так долго, как это понадобится; указанный рубеж; (не)адекватные меры*.

Тема манипулирования общественным сознанием с помощью эвфемистических перифразов в последнее время находится под пристальным вниманием ученых [29]. Эвфемистические замены — это действенный публицистический прием создания положительного образа или нейтрализации негативного впечатления для утверждения нужных идей [30].

Пограничная ситуация, которой, безусловно, является военный конфликт, обостряет все составляющие человеческого восприятия действительности, поэтому магистральной в этой ситуации является общая языковая стратегия, связанная с формированием образа «свой»/«чужой», довольно жестко расставляющая все акценты в подаче информационного материала.

Актуализация этой стратегии связана с увеличением субъективной лексики в тексте (оценочная лексика, вводные слова, отрицательная лексика, модальная лексика). В частности, наиболее активно используется лексика, вызывающая прогнозируемые эмоции. «Прием состоит в употреблении выражений, эмоционально воздействующих на адресата речи, хотя несложный анализ демонстрирует их полную логическую несостоятельность. Однако действенным оказывается сам факт использования слов, несущих положительный или отрицательный заряд. Расчет... делается на то, что поддавшийся «магии слов» адресат речи и не будет особенно вникать в смысл того, что ему говорится» [31].

В частности, активно используется лексика, вызывающая прогнозируемые эмоции: *интервенция, эвакуация, неприкрытая агрессия, военно-полицейский режим диктатуры США, репрессивный аппарат, сытая Европа, кровавая развязка, роковые последствия, кровь мирных жителей*. Оценочность в тексте создается также при помощи оксюморонических сочетаний и антитез: «*Боже, благослови*

*Америку на те глупости, на путь которых она вступила»; «...холодная война... не перерастет ли она в «горячую»; «(Россия) при всей своей «ослабленности» готова проявить несгибаемую твердость»; «Смешно (или наивно, или лицемерно) утверждать, что права человека в Косово будут гарантированы ракетными ударами...».*

При манипулировании общественным мнением важную роль играют способы номинации действующих лиц конфликта. Так, в западной прессе чеченцы, ведущие боевые действия, именуется *повстанцами, партизанами, бойцами сопротивления (rebels, patriots of the Chechen nation, rebel fighters, guerrillas, die Rebellen, tschetschenische Truppen и т.п.)*, а в русскоязычных СМИ — *боевиками, террористами и бандитами*. Разнятся и способы номинации действий сторон, вовлеченных в конфликт. Например, в дискурсе англоязычной прессы действия российских военных характеризуются такими существительными, как *вторжение, нападение (invasion, assault и т.п.)*, а действия противоположной стороны — словосочетаниями *сражение за независимость, борьба с оккупантами (fighting for independence, struggle against invaders)*. Вне сомнения, указанные способы номинации конфликтующих сторон и их действий несут в себе разную оценку и обусловлены различными точками отсчета и политической ориентацией. Освещая последний военный конфликт с Ираком, российские официальные СМИ довольно часто называли войска коалиции *оккупантами*. Негативный фон этой номинации сразу задавал определенный тон всем сообщениям о военных действиях союзников.

Заслуживает внимания еще один прием, получающий в последнее время все большее распространение в отечественной прессе — использование прецедентных текстов (имя автора, имя персонажа, заглавие, цитата, перифразы, скрытое цитирование, аллюзия, реминисценция) — своеобразных «единиц языка культуры». Подобных «ссылок» в текстах довольно много, и они представляют пример реализации имплицитной лингвополитической стратегии, закладывающей нужную оценку в высказывание.

В заключение несколько слов о проблеме, тесно связанной с рассматриваемыми в данной статье вопросами, — об информационной безопасности в свете лингвополитического манипулирования. Вульгаризация, жаргонизация языка переходят все разумные пределы. Печать, радио, ТВ тиражируют сниженный, упрощенный, вульгаризованный вариант выражения мысли. В данном случае речь идет о снижении языковой способности самих носителей языка, что грозит нам серьезным информационным кризисом. В связи с усилившимся влиянием СМИ на общественное сознание особое внимание следует обратить на проблему лингвополитического манипулирования в массовых источниках информации. Научные изыскания в этой области позволят прогнозировать эффект от использования определенного рода языковых ресурсов в СМИ. Возможно введение элементов политкорректности на страницах официальной печати. Необходима лингвистическая экспертиза официальной терминологии [32], используемой в документах (в том числе и термины «государственный язык», «официальный язык», «титовый язык», «родной язык», именованные национальных и этнических групп и т.д.).

Вопрос о том, как избежать манипулирования, остается открытым. С точки зрения языка противостоять этому невозможно. Однако очень многое зависит от самого адресата, воспринимающего текст (слушающего, читающего). В подтверждение этого приведем слова известного французского лингвиста Патрика Серио: «Процесс чтения не является <...> пассивным или невинным; он составляет активный фактор динамики смысла» [33].

Данное исследование представляет не только академический интерес. Это знание может помочь человеку, который хочет в будущем по возможности защититься от манипуляции его личным сознанием. Результаты исследования позволяют адекватно оценивать работу СМИ, эффективно анализировать политические стратегии различных политических институтов.

## ЛИТЕРАТУРА

- <sup>1</sup> Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 342.
- <sup>2</sup> Проблемы использования языка в манипулятивных целях занимают Ноам Хомский, Теун ван Дейк, Водак, Пол Чилтон и др. зарубежные исследователи.
- <sup>3</sup> Дзялошинский И.М. в своей статье «Как создаются «герои» и «дьяволы» (опубликованной в журнале «Советник», 1997. № 1; электронный адрес: <http://alya.nns.ru/analyt-doc/sobes/geroi.html>) описывает такие высокоэффективные приемы, как метод фрагментации (введение некомментируемых сообщений, создающих хаотичную картину мира, которую невозможно представить как единое целое), метод отвлечения (отвлечение внимания аудитории от неудобной информации путем введения другой информации, поданной в сенсационной форме); метод объективного подхода (подбор и умелое комментирование фактов, позволяющих «выявить» несуществующие тенденции) и др. Эти методы автор называет «психологическими», так как они в основном рассчитаны на подсознательное восприятие.
- <sup>4</sup> Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 51.
- <sup>5</sup> Пол Грайс — американский логик, создатель лингвистической прагматики.
- <sup>6</sup> См. основные положения теории речевой коммуникации, изложенные в книге Клюева Е.В. Речевая коммуникация. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
- <sup>7</sup> В данном случае нарушается основной постулат М. Бахтина: «Всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим». Цит. по: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 146.
- <sup>8</sup> В результате опроса, коих в середине 90-х гг. проводилось бесчисленное множество, сторонница партии «Яблоко» не опознала анонимизированный текст Г. Явлинского и даже назвала его примером коммунистической демагогии. Этот факт говорит о том, что лингво-политические дискурсы обладают достаточной степенью абстрактности, а также набором признаков, осознаваемых адресатом.
- <sup>9</sup> Паршин П.Б. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике // Диалог, 2000. № 1 (электр. адрес: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/229.htm>).
- <sup>10</sup> Anderson, R.D. JR. Speech and Democracy in Russia: Responses to Political Texts in Three Russian Cities, - British Journal of Political Science; Vol. 27; Issue 1. P. 23–45; Jan. 1997.
- <sup>11</sup> Григорьев А.Б. Утешение филологией // Клемперер В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 372.
- <sup>12</sup> Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Прогресс – Традиция, 1998. 384 с.
- <sup>13</sup> Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М.: «Маиерик», 2002. 600 с.; Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания, 1996. № 3; Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: УрГУ, 1995 и др.
- <sup>14</sup> Алтунян А. Lingua Tertii Imperii versus Lingua Sovietica // Знамя, 2000. № 8 (электронный адрес: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/8/altun-pr.html>).
- <sup>15</sup> Барт Р. Избранные работы. М., 1994.
- <sup>16</sup> См.: Beer, Francis A. Meanings of War and Peace. Texas A & M Press. Colledge Station, 2001. 215 p.; Edelman, M. Constructing the Political Spectacle/ The university of Chicago Press, Chicago and London, 1988. 137 p.; McChesney, R.W. Corporate Media and the Threat to Democracy. Seven Stories Press. N. Y. 80 p.; Chomsky N. Media Control The Spectacular Achievements of Propaganda. Seven Stories Press. N. Y. 60 p.
- <sup>17</sup> Токвиль А. Демократия в Америке / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1992. С. 200.
- <sup>18</sup> Там же. С. 386.
- <sup>19</sup> Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис, 1996. № 4.
- <sup>20</sup> Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 576 с.
- <sup>21</sup> Там же. С. 17.
- <sup>22</sup> Использованные термины *коммуникант*, *адресант*, *адресат* заимствованы автором из теории коммуникации. Подробнее см.: Клюев Е.В. Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и институтов. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
- <sup>23</sup> Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997.

<sup>24</sup>Подробнее о функционировании политологом см.: Радбиль Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова. Монография. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. 116 с.

<sup>25</sup>Практическим результатом применения психолингвистических методик является словарь – тезаурус политических ассоциаций, работа над которым ведется в соавторстве с Н.Ю. Русовой. Данный словарь позволяет оценить возможные рефлексии носителей языка на слова-стимулы с семантикой «власть».

<sup>26</sup>Many years ago, hard scientists got together to pin language down to final and concrete meanings, the kind of language using words that would match the exactitude of the language we know as mathematics. It did not work and they went home profoundly disappointed with one of them saying (Neils Bohrs) that we «suspended in language». Kennet L. Hacker. Saying You Are Sorry But Not Mean It: The Bush Administration Gloats over Linguistic Manipulation of the Word «Apologize». <http://www.zianet.com/khacker/sorry.htm>.

<sup>27</sup>О рассмотрении языка как вируса, пронизывающего все сферы человеческой деятельности, см: Aoki, Keith. Introduction: Language as a virus. University of Miami Review, 1999, 53, 4, July, 961–971.

<sup>28</sup>Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000. С. 232; С. 254–255.

<sup>29</sup>Бессарабова Н. Д. Слова-прикрытия в современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. Вып.1. М.: МГУ, 1996. С. 57–69.

<sup>30</sup>По данным Я. Монкоша-Бошдан, в Польше в период предвыборной кампании в сентябре 1993 года «были составлены списки слов, которые вообще не следует употреблять или же следует заменять словами-субститутами (таковы были конфиденциальные рекомендации-инструкции для членов одной партии). Например: *капитализм* лучше заменить выражением *экономика на реальных основах*; не следует говорить о *богатстве*, а если уж возникает такая необходимость, то следует использовать выражение *нажитое состояние*; слово *капитал* людей шокирует, отталкивает, лучше заменить его на *деньги, фонды*; некрасиво звучат *проценты, процентные ставки*, лучше вместо этого говорить — *заработок, получаемый с денег, внесенных в банк или на биржу* и др.». Подробнее см.: Монкоша-Бошдан Я. Развитие коммерческой терминологии русского и польского языков в 80–90-е гг. XX в. Автореф. дис. д-ра филол. наук. СПб., 1994.

<sup>31</sup>Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997. С. 476.

<sup>32</sup>С явлениями манипуляции терминологией часто сталкиваются ученые и специалисты. Нередко анализ явления предваряет кропотливый разбор толкований и определений того или иного термина. См., например, сравнительный анализ определений термина *террор*: Колобов О.А., Яснев В.Н. Информационная безопасность и антитеррористическая деятельность современного государства: проблемы правового регулирования и варианты их решения. Нижний Новгород, 2001. 374 с.

<sup>33</sup>Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 22.